

конь упоминается как атрибут языческого Свантевита; этот же конь служил оракулом, предсказания которого помогали в решении важнейших вопросов в жизни рюгенского общества*.

В первой половине XIX в. имя Свантевит всплывает на о. Рюген в виде имени вендской принцессы Сванвите (Svanvithe) из легенды, связанной с древним славянским крепостным валом близ города Гарц и со славянским городом Берген (славян. Гора). Это устное предание было записано краеведом и литератором Эрнстом Моритцем Арндтом как пример вплетения местных преданий о вендском времени в историю. Неслучайно и упоминание в этой легенде слухов о появлении в окрестностях крепостного вала *рыцаря на белом коне* [курсив наш. — Ю. И.-Б.], скачущего через город и озеро [Рьген, 1998: 32].

Конечно, нельзя было ожидать, что в конце XX в. на островах Балтийского моря, в Померании или в Ябельхайде найдутся люди, говорящие по-вендски, и язычники, почитающие Свантевита. Но результаты камеральных и полевых исследований показали, что как в деревенской, так и в городской среде Мекленбурга — Передней Померании в виде преданий и легенд о божестве или об объектах, с ним связанных, сохраняется память о культуре вендов.

«Findlinge»

«Камень Свантевита» не единственный из древней истории Северной Германии такого рода. «Ни в одном другом регионе Германии не увидишь такого средоточия дольменов и зрратичес-

* Приведем свидетельство Саксона Грамматика в современной редакции Хайнца Лемана: «Бог этот в распоряжении своем имел коня белого цвета, и святотатством считалось рвать волос с гривы или хвоста его. Один лишь жрец имел право кормить и седлать коня этого: божественное животное нельзя было оскорбить частым пользованием. Рюане верили, что Свантевит выезжает на коне этом на битву с врагами своего святилища и своей земли. И доказательством тому якобы служило обстоятельство, что нередко его находили наутро в стойле покрытым потом и грязью, словно бы он проделал дальний путь. Также от коня этого предсказания принимались. Когда собирался военный поход, служители храма Свантевита втыкали в землю перед святилищем крест-накрест шесть копий, после чего подводили к ним священного коня. Если ступал он через копыта правым копытом, считалось это добрым предзнаменованием для исхода военных действий. Если же хоть раз поднимал он сперва левое копыто — тогда отменялся военный поход в чужие земли. Точно также отменялся и морской поход, если белый конь Свантевита пойдет не с правой ноги через копыта, и даже решения о торговых сделках зависели от предсказаний оракула» [Рьген, 1998: 17–18].

ких валунов на таком небольшом пространстве, как остров Рюген» [Pleticha, Müller, 2000: 78]. Такими словами начинается повествование о северонемецких землях в большинстве красочных альбомов и путеводителей. Историки отмечают, что одним из символов Передней Померании были так называемые «Findlinge» — гранитные валуны необычной формы или целые группы камней. Еще в начале XIX в. путешественник встречал много подобных валунов в Мекленбурге и Передней Померании, особенно на Рюгене. Ситуация изменилась во второй половине XIX столетия в связи с развитием сельского хозяйства. Во многих местностях был резко изменен ландшафт, и многие валуны были раздроблены и увезены с полей в целях очистки сельскохозяйственных угодий. Камням больших размеров нашли применение при строительстве шоссежных дорог, дамб и домов. Гранитный валун из лесничества Мюленбек был использован при изготовлении колонн для Национальной галереи и основания Колонны Победы в Берлине. Так произошло и с другими камнями Мекленбурга и Передней Померании, имеющими этнографическую и историческую ценность. Профессор Альфред Хаас в грайфсвальдской газете «Heimatleiw un Muddersprak» неоднократно призывал сохранить оставшиеся на полях и в лесах Померании гранитные валуны как ценные этнографические объекты, природные памятники и живописную и неотъемлемую часть померанского ландшафта [Haas, 1922, № 6].

В научной и популярной литературе, посвященной камням примечательной формы на территории Европы, неоднократно указывалось на характер их происхождения: это эрратические валуны ледникового происхождения, лежащие в тех местах, где их оставил отступавший ледник [Порфиридов, 1940: 118]. Для Северной Германии гранит нетипичен, здесь распространен либо песчаник, либо кремневые камни. Ледник коснулся лишь краем этой части Европы, в целом в стране немного подобных вещественных остатков древней эпохи, даже для севера Германии отдельно лежащие камни примечательной формы — редкость. Поэтому факт наличия таких природных объектов около населенных пунктов, в озерах и на Балтийском побережье издавна привлекает внимание исследователей и находит отражение в фольклоре.

Происхождение северонемецких камней было различным: это доисторические каменные могилы славянского или дославянского происхождения, так называемые «Великановы могилы»; различные памятные камни, поставленные в честь исторических событий; своего рода надгробные камни, часто устанавливаемые на месте убийства или несчастного случая. Камни, известные на

территории Северной Германии, по внешнему облику объединяются в следующие пять групп: 1) камни очень больших размеров, иногда со знаками; 2) камни с отпечатком гигантской руки; 3) камни с отпечатком большого ступни человека или ноги животного («камени-следовики»); 4) камни, напоминающие фигуру человека или животного; 5) группы камней, расположенных в определенном порядке.

Рассмотрим последовательно географические (или топонимические) легенды, связанные с каждой группой. Первую условно обозначенную категорию составляют так называемые Великаны или Чертовы камни (*Riesensteine*, *Ньненsteine* oder *Teufelssteine*) [Приложение 1, перечень 3, № 6–12, 25–31, 43–53] (Илл. 3). С этой категорией соприкасается вторая условно выделенная группа. Можно выделить ряд сходных мотивов в географических легендах, объясняющих происхождение «чертовых» камней или появление их в данной местности, особенности формы и происхождение нанесенных знаков. Основной мотив таких легенд — камень был заброшен сюда великаном либо в отместку не сдержавшему слово крестьянину, либо в строящуюся церковь, но, не долетев, упал в то место, где лежит по сей день, а след от руки разгневанного великана отпечатался на его поверхности. Великанами в легендах называют загадочных языческих предшественников людей в Померании и Мекленбурге, оставивших после себя лишь огромные каменные мегалитические могильники, названные в народе «Великановыми могилами» (*Ньпэнгдбер*). В легендах часто происходит смешение образа великана с образом черта. Вероятно, первый вариант является более ранним, а другой — относительно поздним, уже христианизированным. Из 67 рассмотренных нами легенд о камнях 27 имеют подобное содержание [Приложение 1, перечень 3, № 7–10, 12, 20, 26, 27–30, 34, 46–51, 58, 60, 61]. Приведем в качестве примера легенду, записанную Альфредом Хаасом в начале XX в. у жителей деревни Лонвитц. На о. Рюген, недалеко от деревни Наделитц, находится валун величиной 2,5х2,3 м и толщиной около 1 м, на поверхности которого видно несколько желобовидных углублений, соединяющихся с чашевидными, глубиной 2–3 см [Приложение 1, перечень 3, № 17]. Легенды называют его Великановым камнем (*Riesenstein*). У Альфреда Хааса он назван *Ндрпфchenstein* («Камень с чашечками»). Согласно легенде, «некогда на Рюгене жил ужасный великан, который давно с ненавистью взирал на строящуюся церковь в Фильмнитце и, разразившись проклятьями, пообещал разрушить церковь, как только ее завершат. Когда церковь и колокольня были построены, он схватил огромный камень и кинул его с горы Танненберг, что

близ города Путтбус, с такой силой, что камень пролетел четверть мили над колокольной и упал недалеко от Наделитц, где и лежит по сей день» [Rygen, 1998: 53]. Легенда известна в разных вариантах, в некоторых из них великана заменяет черт, а в углублениях на камне видели следы когтей или копыт черта или отпечаток человеческой руки. Некоторые жители утверждают, что на обратной стороне камня находится след от копыта черта [Haas, 1918: 64]. Подобные географические легенды характерны для фольклора Северной Германии и бытуют на всей территории земли Мекленбург — Передняя Померания. Известны Великано-вы камни около городка Пенцлин, в окрестностях деревни Грос-Флотов, в районе городка Трептов [Niederhuffer, 1998: № 106], на урочище Готтескамп, около деревни Вольдегк [Niederhuffer, 1998: № 208] и около деревни Валькендорф /Тессин/ [Niederhuffer, 1998: № 319], Чертов камень между деревнями Карпин и Бергфельд, около Стрелитца [Niederhuffer, 1998: № 272], в русле ручья у деревни Хинов округа Лауенбург [Gerlach, 1920: 49].

Третью выделенную нами категорию составляют так называемые камни-следовики. Этот термин для обозначения камней с углублениями, напоминающими отпечаток ступни, предложил использовать краевед из города Шуя С.Н. Ильин. Некоторые из них имеют естественное происхождение, другие являются древними наскальными изображениями. Такие камни известны человечеству с глубокой древности. Первые упоминания камня-«следовика» можно найти в «Истории» Геродота (IV, 82) [Формозов, 1965: 136] — это «отпечаток ступни Геракла» на Днестре. Часто камни-следовики отличаются огромными размерами, якобы свидетельствующими о том, что их оставили герои, великаны или святые. Естественные углубления на камнях в немецких землях приписывают как богам, так и нечистой силе.

В топонимических легендах, связанных с камнями-следовиками, можно также выделить ряд сходных мотивов. Так, святые способны размягчать камни, оставляя на них следы. В немецкоязычной литературе зафиксировано предание о Камне Господа (Der Herrgottstein), который находится около Хендельхаммер. Согласно преданию, на камне отпечталось тело сидящего Иисуса Христа. Ему же приписывают след ступни и пяти пальцев на огромном валуне около Шветцина, носящем славянское название Во•есторка. Отпечаток босой левой ноги и маленькой дырочки справа от него на камне-следовике из округа Путциг, по местной легенде, также принадлежат Иисусу Христу, который некогда стоял здесь и решал спор трех братьев. В основании часовни Лоретто в Бюргене лежит камень-следовик с отпечатком ступни девы Марии (говорят, что здесь она спасалась от преследова-

ния ведьм). Камни с отпечатками ступней, коленей, рук святых можно найти и в других местах Германии: в Римбахе на Фульде, Тироле, Ольсберге [Hndwb.d.A., 391].

Другим мотивом в географических легендах о происхождении знаков на камнях-следовиках является размягчение камня после произнесенной клятвы как чуда, подтверждающего правдивость слов. В четырехтомном собрании легенд 1858 г. «Mecklenburg's Volkssagen», составленном мекленбургским публицистом доктором Альбертом Нидерхеффером (1828–1881), членом «Общества мекленбургской истории и изучения древностей» приведена, например, следующая легенда: «На лесной тропе, ведущей в Ной-Кален, недалеко от Мальхина находится так называемый «Девий камень» («Der Jungferstein»). Это камень-следовик с углублением, похожим на след ступни. Еще в XIX в. в этих местах была известна легенда о последней славянской княжне Вендогард, которая оспаривала свои исконные владения лесами Мальхина с разбойником Ландольфом. После произнесенной ею клятвы у камня в лесу на его поверхности остался след от ее ступни и скипетра» [Niederhuffer, 1998: № 221 (2), 376]. Другая легенда, связанная с этим камнем, изложена в Приложении [Приложение 1, перечень 3, № 13]. Параллели можно найти и на Западе Германии: около селения Хасте в окрестностях Оснабрюка известен «Карлов камень» («Der Karlstein») с отпечатком кнута Карла Великого, которым тот якобы ударил по камню, произнеся пророческие слова [Hndwb. d. A., 395].

След ноги на камне может доказывать невиновность обвиняемого или оклеветанного, если он клянется на камне. Также существуют сказания о камнях-оракулах, на которых проверяли правдивость или ложность клятв или искали виновного. Недалеко от крепостного вала Хертабург на о. Рюген находится большой валун, на поверхности которого видны два углубления в виде следа взрослого и ребенка [Приложение 1, перечень 3, № 34]. По легенде, на этом камне рюгенская богиня Херта повелела провести испытание среди своих жриц, одна из которых нарушила обет безбрачия. Каждая из девушек должна была ступить на камень: когда ступила виновная, на камне отпечатался след ее ноги и ноги ее ребенка [Рьген, 1998: 60].

Некоторые легенды и предания, связанные с камнями-следовиками, содержат поздние наслоения христианского характера. Следы на камнях приписывают легендарному «Вечному Жиду», а также великанам или черту. Одна из таких мекленбургских легенд рассказывает: через деревню Шиммервитц округа Лауэнбург шел Вечный Жид, и там, куда он ступал, оставались глубокие следы. Однажды в лесу он наступил на огромный камень, и

на нем остались следы от его пяти пальцев, которые хорошо видны по сей день. Камень называется Der Judenstein (Жидов камень) [Gerlach, 1920: 68]. Персонаж христианской легенды западно-европейского средневекового происхождения становится достоянием литературы начиная с XIII в. Существуют рассказы очевидцев, которые якобы встречались с Вечным Жидом. Так, жители Любека уверяли, что в 1603 г. Вечный Жид появился в их городе, в 1642 г. его видели в Лейпциге, затем в Шампани и Бове. В деревенский фольклор легенда попадает позже — лишь в XVIII в. [Мифы народов мира, 1991, 1: 34].

Особо выделяют категорию камней, напоминающих по форме человека. Бытует мнение, что это люди, превращенные за свои грехи в камень. Их можно узнать по тихому плачу, доносящемуся из камня, или по выступившим слезам (крови) [Hndwb. d. A., 395].

Мотив окаменения грешников широко представлен в северо-немецких легендах. В Бранденбурге есть камень с многочисленными глубокими отверстиями — это следы от молотка, которым юноша пытался освободить свою возлюбленную, проклятую и превращенную в камень [Hndwb. d. A., 393]. Со многими географическими объектами связаны легенды аналогичного содержания [Приложение 1, перечень 3, № 35, 39–40, 65]. В них, как правило, повествуется о группе из семи камней: шесть из них находятся рядом, а седьмой — поодаль: «Это семь шаловливых пастухов, которые играли в кегли хлебом — божьим даром. И в самый разгар игры явился им старец в белых одеждах, который предостерег юношей от греха. На предостережение шестеро ответили усмешкой, и лишь седьмой задумался и отошел в сторону. Тогда старец приказал ему идти и не оборачиваться. Любопытный же юноша не выдержал и оглянулся — в то же мгновение он был обращен в камень, как и шесть его товарищей. Так и стоят они до сих пор, и никто из крестьян не сдвигает камни с места: говорят, если по ним ударить мотыгой, выступает кровавый след. Видимо, говорят в народе, Богу угодно было сохранить это напоминание о каре грешников», — так звучат легенды о почти одинаковых группах камней в Мекленбурге в изложении Альберта Нидерхеффера. Одна из групп находится недалеко от деревни Дамбек, около г. Висмар, а другая — на пахотных угодьях деревни Шпорниц, расположенной между Пархимом и Нойштадт-Глеве [Приложение 1, перечень 3, № 38, 39; Niederhuffer, 1998: № 54, 68].

Показателен стиль изложения легенд из собрания Альберта Нидерхеффера. Во-первых, собранные от «осведомителей» легенды

записаны не с их слов* и изложены не близко к оригиналу, но переработаны издателем; при этом добавлено множество второстепенных, возможно не существовавших в исходных версиях деталей; в выборе лексики Нидерхеффер придерживался высокого стиля, чему соответствует и сложный синтаксис текста. Одним словом, легенды «из Нидерхеффера» по форме приближаются к литературному жанру новеллы. Во-вторых, в интерпретации событий легенды прослеживается позиция собирателя (который, кстати, был сыном пастора из маленькой деревни Альт Ребель в Мекленбурге), в частности, постоянно звучит тема христианской морали и справедливого возмездия.

Продолжим обзор топонимических легенд. О так называемом «Пастушьем камне» (der Schdferstein) у бывшего поместья Даммереец в округе Бойтценбург со слов жителя Пархима Людвига Крейтцера Альфредом Нидерхеффером была записана следующая легенда: «Камень был когда-то пастухом. Хозяин обычно давал парнишке буханку хлеба да голову сыра с собой, и это однообразие так однажды опротивело нашему пастуху, что он изобрел игру: стал называть хлеб Господом богом, а сыр Зеленым чертом и однажды так разошелся, что швырнул вниз с горы голову сыра, а за ней и хлеб, приговаривая: «Бежит Зеленый черт, а за ним Господь бог!». Но тут стал Господь бог за пастухом, и вдруг парнишка похолодел: кровь застыла в жилах, члены окоченели, и он превратился в камень» [Приложение 1, перечень 3, № 35; Niederhuffer, 1998: № 160]. О камне-следовике из г. Розенберг, расположенного недалеко от Шверина, рассказывают: «Однажды воскресным утром одна безбожница, которая вовсе позабыла дорогу в храм божий, полоча лен на поле, когда раздался удар колокола, возвестивший о начале службы. В этот момент появился всадник на белом коне и сказал, что ей пора положить конец безбожному житью и отправиться на воскресную службу. Но женщина не слушает предостережения, и в тот момент, когда исчез белый всадник на своем белом коне и отзве-

* А. Нидерхеффер, поставив перед собой задачу спасти от забвения фольклорное наследие Мекленбурга, неоднократно обращался к Г.К.Ф. Лишу с просьбой назвать возможных информантов в деревнях и городах Мекленбурга, которые могли бы предоставить материал; главным образом, они должны были присылать ему готовые работы, тексты легенд или указать источники и печатные работы, из которых он мог бы черпать материал для своего полного собрания. К записям легенд непосредственно из уст информантов Нидерхеффер обратился достаточно поздно, поэтому в немецких научных кругах к его четырехтомнику «Mecklenburg's Volkssagen» как к источнику относятся критически [Wendt, 1998: 541].

нел последний удар колокола, явился черный всадник на черном коне, промчался, сбил женщину, и от прикосновения копыта его лошади она обратилась в камень» [Приложение 1, перечень 3, № 65]. Эта легенда имела устное хождение до 1879 г. [Neumann 1988: SaM. № 84]. Многие камни неприкосновенны: жители не трогают их из суеверного страха, поэтому камни до недавнего времени лежали на своих местах. «Рассказывают, будто однажды какой-то крестьянин решил доказать свое презрение к суевериям и замуровал один из камней в фундамент сарая. Но вскоре ночью он снова извлек его и отвез обратно в поле. На вопросы, почему он так сделал, крестьянин не отвечал. Люди утверждали, что будто бы по ночам из камня текла кровь, и это не давало покоя старику, пока он не отвез камень на прежнее место. Старожилы также утверждают, что будто бы на камнях раньше отчетливо видны были руки» [Niederhuffer, 1998: № 68].

Некоторые из таких камней дали название месту, и так возник микропоним, например, «Zu den drei Steinen» («У трех камней»). Это место расположено в поле на пустоши Netzebander Heide, находящейся в низменности, что простирается в Померании от реки Пеене у г. Вольгаст до Грайфсвальда [Приложение 1, перечень 3, № 57 // Maier, Tietz, Ulbrecht, 1994: 54]. Место около местечка Бойтин, недалеко от Бютцов, где расположена группа камней [Перечень 3, № 40; Niederhuffer, 1998: № 94], называется «Der Steintanz» («Каменный танец»). Ручей, вытекающий из Чертова болота в направлении деревни Польхов округа Рандов (около современного польского города Щецин), в народе называется «Sieben Wüderbach» («Ручей семи братьев»). С этим местом и лежащими там камнями связана легенда аналогичного содержания [Кноор, 1891: 150–151]. В народной культуре образ камня неразрывно связан со смертью и потусторонним миром. Окаменение также рассматривается как смерть. Интересно отметить, что этот мотив широко распространен в эпосах других народов, в частности, в русском. Окаменение героя может иметь нравственную мотивировку — неуважение к хлебу, еде, а хлеб — это старый языческий символ, перенятый христианством. Позднее эта мотивировка приобретает христианизированную окраску: герой совершает грех с точки зрения христианской морали, оскверняя хлеб — христианскую святыню, образ тела Христова [Демиденко, 1987: 95].

С последней группой камней связывают предания о древних славянских языческих алтарях или жертвенных камнях [Приложение 1, перечень 3, № 2, 19–23]. Предания о жертвенных камнях характерны для о-ов Рюген и Узедом, материковой По-

мерании, Мекленбурга и приэльбских земель Нижней Саксонии и определяют одну из культурных доминант Севера.

На карте о. Рюген зафиксировано место, где есть так называемый «Жертвенный камень» (*Der Opferstein*) [Приложение 1, перечень 3, № 21] (Илл. 4). Этот камень находится в роще на п-ве Ясмунд. Камень и его природное окружение — реликтовая роща — охраняются государством как памятник природы. Местным жителям название известно, но местонахождение камня они определяют неточно, некоторые отождествляют его с древними могильниками, находящимися здесь. На камне выбиты знаки — чашевидные углубления с южной стороны и зеркальное отражение (выпуклости) с противоположной, северной. Желоб, рассекающий камень поперек, с севера на юг, вероятно, относится к средневековью: по утверждениям местных краеведов и археологов, желоб мог остаться в результате попыток разрушить древнее святилище. Среди местного населения камень известен под названием «Жертвенный камень» и так зафиксирован в картах и путеводителях по Рюгену. Название относится к 1832 г. Согласно древним преданиям, на камне в языческие времена приносили человеческие жертвы, а по желобовидному углублению стекала кровь, и в том месте, где она скапливалась, камень не обрастает мхом [Rьgen, 1998: 60]. Вспомним в этой связи и о камне *Swentekahs* [Приложение 1, перечень 3, № 41] в водах Балтийского моря на о. Рюген, который, судя по первому компоненту названия, в прошлом тоже был культовым.

В окрестностях городка Бойтин в Мекленбурге есть место «*Der Steintanz*» («Танец камней»). Его образует группа больших камней, расположенных в форме трех кругов. Яма или ров окружает каждый круг, в каждом из которых по девять камней. С этим местом также связаны народные легенды [Приложение 1, перечень 3, № 40; *Niederhuffer*, 1998: № 94]. Предполагается, что здесь было языческое святилище древних вендов, а на камнях приносили жертвы богам. Особенно выделяется камень с отверстиями во внутреннем кругу — это жертвенный алтарь, а отверстия, вероятно, использовались для сбора крови. По предположению собирателя, здесь приносили в жертву славянскому богу Радегасту военнопленных [*Niederhuffer*, 1998: № 94].

Многие камни, характеризующиеся примечательными размерами или имеющие на своей поверхности знаки и углубления, фигурировали в народных сказаниях и связывались с древними культами. Так, упомянутый «Чертов камень» возле деревни Путгартен на Рюгене [Приложение 1, перечень 3, № 45] Альфред Хаас связывал с культом славянского бога Свантевита, распространенного некогда на острове [Haas, 1918: 17].

В деревне Альт Ябель в Ябельхайде также находится камень, известный местным жителям как «Славянская жертвенная чаша» («Die altslawische Opferschale») [Приложение 1, перечень 3, № 19]. Этот небольшой чашевидный камень вмурован в стену старой церкви Михаэлискирхе справа от входа. Сейчас от готической церкви XIII в. остались лишь руины, интерес представляет сохранившийся камень-жертвенник (Илл. 5, 6). С ним связана древняя легенда, которую в Альт Ябеле рассказывают по сей день: «Однажды, когда христиане строили первые святыни в земле Ябельхайде, в монастырь Эльдены попала жертвенная чаша. В эту чашу собирали кровь принесенных в жертву людей и животных. Как раз в эти годы была построена первая церковь в сердце Ябельхайде, и по случаю ее освящения в 1256 г. создали все славянское население округа. Для того чтобы доказать могущество христианской религии и низвергнуть старых богов, священник, брат Лиенхард, расколол чашу тяжелым молотом прямо на алтаре, на глазах у присутствующих. В память о произошедшем событии половина жертвенной чаши тут же была вмурована в кольцевую стену церкви. Этим символическим действием брат Лиенхард надеялся сломить нежелание славян принять христианство. Другая половина была отправлена в монастырь Эльдены в память об этом дне и водружена на молитвенное кресло» [РАКЖ, 60]. Легенда имеет продолжение: «В эту ночь священник долго не мог заснуть от какого-то шороха. На часах была полночь, когда он услышал чьи-то шаги и гневную речь. Освещенный лунной, в покои его вошел человек с бородой в старинном одеянии. Он поднял руку и спросил: «Зачем ты нарушил покой моей гробницы и потревожил мой вечный сон? Ты разграбил мою гробницу, забрал пожертвованное мне и велел перенести это в свой дом. Потому стал отныне твой дом моим домом. Ибо я старше тебя и раньше тебя владел этой землей. Вы, саксы, пришли в землю моих отцов, как варвары и разбойники. <...> Ты говоришь, что ты служитель? А я — свободный человек. Имя мое Болеслав. Мой герб — золотая корона славян на синем поле. Всю мою жизнь мы, славяне, были здесь хозяевами». Так говорил дух славянина, а затем тихо исчез. Священник же уехал из прихода обратно в Саксонию и забрал с собой осколок жертвенной чаши» [РАКЖ, 60–61]. Материальный объект сопровождается легендой — элементом духовной культуры. Можно утверждать, что, каким бы ни было истинное происхождение невзрачного каменного осколка, устная история региона связывает его со славянской традицией.

Достаточно много камней находится в стенах первых церквей Вендланда, где дольше всего сохранялось вендское население.

Это камни необычной формы или цвета, с изображениями или знаками, им приписывают то же происхождение: скорее всего, это жертвенные или культовые камни. Речь идет об известном камне природного происхождения «Teufelsfratze» («Чертова морда»), который часто в народе называют «Ддмоenstein» («Камень демона»). Действительно, камень по форме напоминает личину некоего существа. Он находится в северной стене Вольтерсдорфской церкви слева от входа (Илл. 32). Экскурсоводы часто обращают внимание на «Rillenstein» («Камень с желобом») возле входа, расположенный также на северной стене церкви д. Мойхефитц. Камень имеет желобовидные углубления и в прошлом, скорее всего, служил жертвенником. Привлекает внимание и красноватый камень в дверном проеме северной стены разрушенной ныне церкви д. Шпиталь [Приложение 1, перечень 3, № 23, 32, 33, 36, 37, 42]. Примечательно положение этих камней: они находятся на северной стене и расположены на уровне глаз человека. Камни были вмурованы в кладку при строительстве, вероятно, не только как знак ниспровержения старой веры, но и с целью привлечь в новый храм язычников, поскольку многие церкви Вендланда строились на местах языческих капищ или культовых мест. Жертвенные камни суть вещественные остатки прошлого, унаследованные современным населением от вендских предшественников и часто имеющие фольклорное сопровождение, превращаются в один из символов северонемецкой культурно-территориальной традиции.

Почитание священных камней, расположение алтарей на камнях — явление древнее, известное у многих народов, однако рассмотрение истоков культа камней не является предметом нашего исследования. У восточных славян также был широко распространен культ камней, причем чтимые в прошлом камни часто соседствуют с остатками языческих святилищ. Расположенные на берегу озера, реки, у источника или среди деревьев, они составляли единый обрядовый комплекс со своим природным окружением [Славянская мифология, 1991: 219]. Особенно хорошо изучен культ камней на Северо-Западе России, в Ленинградской области [Панченко, 1998], Новгородской [Формозов, 1965], Псковской землях [Александров, 1983; Короткевич, 1999], Залесском крае и в Белоруссии. Возникновение культа камней на этих территориях относится ко времени их начального заселения, этот культ был воспроизведен в период позднего средневековья [Дубов, 1990].

«Следы» на камнях часто отличаются большими размерами, превышающими размер нормальной человеческой ступни. Отсюда возникают представления, что это следы великанов, богов или

героев, известных у славян, финно-угров, литовцев, латышей и других народов [Формозов, 1965: 137–138]. Пережитки язычества были по-разному восприняты христианством. В русских землях, к примеру, народное христианство переосмыслило древние языческие культы, и потому в России известно много камней со следами, приписываемыми святым, например, Александру Невскому, святому Зосиме, святому Макарию, Николе и другим. В Почаевской лавре, где поклонение камням сохранялось до второй половины XX в., камень со стопой Богородицы почитается как святыня действующего монастыря [Формозов, 1965: 135]. Камень святого Антония Римлянина XII в. находится в соборе Рождества Богородицы Новгородского Антониева монастыря; камень на Каргополе с трещиной в форме серпа считается священным, а след приписывается деяниям Иисуса Христа [Славянская мифология, 1991: 221].

Иную ситуацию можно наблюдать в северонемецких землях. Лишь небольшое число рассматриваемых, с трудом выявляемых объектов в легендах связано со святыми. Большинство же предметов приписывают нечистой силе — черту или, что особенно характерно, великанам, называемым в преданиях древними языческими предшественниками людей в Померании и Мекленбурге. При общности картины бросается в глаза противоположное содержание легенд, связанных с микротопонимами и, соответственно, иное отношение местного населения к данным природным объектам. В связи с этим можно высказать следующие соображения.

Жертвенные камни языческих времен находились в определенном месте — на берегу моря, в лесу, на горах, т.е. у определенного препятствия, которое рассматривается в народной культуре как граница с загробным миром. Материалы сказок подтверждают мысль об этой функции жертвенных камней. В народной культуре они имели негативную окраску как место убийства. Жертвенные камни напрямую связывались со смертью [Демиденко, 1987: 95], что также могло дать толчок для возникновения зловещих сказаний о камнях и тех местах, где они расположены.

С началом немецкого заселения славянских земель восточнее Эльбы началась насильственная христианизация языческих славянских племен. Процесс смены одной религии другой — процесс сложный и болезненный, затрагивающий устоявшиеся в поколениях верования и обычаи. Старая вера всегда противостоит новой, и, наоборот, старые боги объявляются новой религией демонами и преследуются. Христианской церковью были запрещены как старые языческие ритуалы, так и поклонение кам-

ням. Напомним, что отчасти так произошло и в русских землях: культовый Синий камень из Клещина в раннехристианскую эпоху был объявлен проклятым, и церковные власти предпринимали неоднократные попытки избавиться от него, было решено заложить его в основание фундамента колокольни в Духовской слободе. Практически во всех ярославских церквях можно встретить аналогичные камни, заложенные в фундамент, например, в церкви Николы Мокрого (XVII в.) [Дубов, 1990: 34].

Северонемецкие легенды о «чертовых камнях» — это отголоски борьбы старого и нового в вере: прежние места почитания божеств и отправления языческих культов стали отождествляться с нечистыми, чертовыми, проклятыми. Альфред Хаас упоминает один жертвенный камень на пашне около селения Шёнвальде, на северо-западе от городка Пазевальк (округ Юккермюнде). Другой жертвенный камень находится, по сообщениям этого автора, у деревни Штольценбург, на берегу озера Даршков, неподалеку от каменных курганов и могильников, и на этом камне выбиты знаки. С обоими объектами связаны легенды. Так, о жертвенном камне из Шёнвальде рассказывается, будто бы там живет черт и развлекается игрой в кегли. А возле камня из Штольценбурга часто является привидение лукавого [Haas, 1926: 45–46]. О жертвенном камне, вмурованном в основание церкви Гросс-Бюнцова [Приложение 1, перечень 3, № 22], рассказывают, будто в определенные дни, ровно в полночь, камень становится кроваво-красным, а церковь наполняется тихим стоном и плачем душ язычников. Альфред Хаас считает, что суеверия распространялись в средние века священниками. Камень как «нечистый» был вмурован в основание церкви [Haas, 1922, № 7].

Не всегда можно установить, является ли микротопоним с атрибутивным компонентом «чертов» прямым соответствием культовому месту, где поклонялись лесным духам или языческим богам, или же эти географические названия возникли позже и связаны с отрицательным и опасным образом черта в народном сознании, характеризуя тем самым данный природный объект: заброшенный, пустынный уголок в лесу или глубокий омут и прочие места, тающие опасности. Эту точку зрения высказывает немецкий ученый Генрих Боссе [Bosse, 1962: 106]. Представляется, что в отношении названия камней подобная связь существует. Обращает на себя внимание факт, прямо указывающий на борьбу «нечистой» силы (черта) или языческих исполинов с новой христианской религией: все камни были брошены с целью разрушить храм. Особенно интересной представляется легенда из собрания коллектива померанских фольклористов Майера, Ульбрихта и Титца о каменных глыбах у деревни Холлендорф.

Согласно легенде, камнями, что нынче разбросаны в русле реки Пене, языческий бог рюгенских славян Свантевит бросал в только что построенную церковь в Вольгасте [Приложение 1, перечень 3, № 67; Maier, Tietz, Ulbricht, 1994: 50]. Вероятно, это наиболее ранний сохранившийся вариант подобных легенд, когда языческий бог еще не был отождествлен с чертом. В связи с камнями, названными именем Свантевита, напомним о рюгенском «Swantewitstein» [Приложение 1, перечень 4, № 11, 20].

Таким образом, на материале северонемецких легенд о камнях прослеживается мотив борьбы христианской религии ассимилирующего немецкого этноса с язычеством сходящего с исторической арены славянополабского этноса (объявление священных камней чертовыми). В то же время содержание легенд отражает и обратный процесс — борьбу местного языческого славянства с христианскими колонистами (попытки разрушить святыни новой официальной религии). Для легенд о камнях, зафиксированных письменно, как для любого фольклорного явления, характерны динамика, изменение. Унаследованный фольклор вступает в противоречие с создавшим его общественным строем, по существу отрицая его. Как отметил видный фольклорист В.Я. Пропп, «старое просто переосмысливается. <...> Переосмысление состоит в изменении старого соответственно новой жизни, новым представлениям, новым формам сознания. Строго говоря, превращение в свою противоположность есть только один из видов переосмысления» [Пропп, 1976: 29]. Можно полагать, что в процессе этнокультурного синтеза языческий бог ассимилируемого этноса превращается в народном христианстве в черта.

Черт в топонимике и легендах Севера

От апеллатива черт образовано большое число топонимов северонемецких земель. В книжных собраниях университетов Грайфсвальда и Ростока мы просмотрели регистры топонимов Мекленбурга, Померании и Восточного Гольштейна, собранные Райнхардом Траутманном, Эрнстом Эйхлером, Вальтером Нойманном, а также в то время еще не опубликованное электронное собрание географических названий Передней Померании и Рюгена, хранящееся в базе данных персонального компьютера группы ономастики Института славистики университета Грайфсвальда. Были выявлены 26 топонимов со славянским корнем *-iьrt-*, из них 12 зафиксированы на территории Германии. Они встречаются в различных средневековых актах, грамотах, писцовых книгах, картах и прочих документах. При отборе топонимов мы руковод-